

Настроения защитников и населения Ленинграда в период обороны города, 1941 - 1942 гг.

Актуальность изучения этого аспекта ленинградской эпопеи определяется тем, что, к сожалению, до сих пор в отечественной и зарубежной историографии настроения различных категорий гражданского населения Ленинграда, а также военнослужащих Ленинградского фронта и Балтийского флота не были предметом специального исследования. В тех работах, где данная тема каким-либо образом затрагивалась, превалировал весьма односторонний подход к сложным процессам, происходившим в общественном сознании в разные периоды битвы за Ленинград. В частности, по вполне понятным причинам вне поля зрения историков оказались оппозиционные и пораженческие настроения, что не позволяет воссоздать целостную картину морально-политического климата в городе и действующей армии в ходе самой продолжительной битвы всей Второй мировой войны. Исследования западных авторов (1) опираются главным образом на воспоминания участников событий и страдают узостью источниковой базы. Вместе с тем, в книге Х. Солсбери есть ряд интересных наблюдений о настроениях населения Ленинграда в разные периоды битвы за город, любопытных предположений относительно реальности выступления рабочих против местного руководства в военные месяцы 1941 - 1942 гг. Солсбери уверен, что сознание опасности городу, исходившей изнутри, было достаточно глубоким у ленинградского руководства с самого начала войны. По мнению американского историка, это обстоятельство всегда было существенным для Сталина и Берия и играло важную роль в политическом маневрировании вокруг вопросов обороны Ленинград особенно в августе и сентябре 1941 г. (2)

Л. Гуре априори отмечал, что лояльность ленинградцев режиму была predeterminedена их страхом перед полицейским аппаратом советского государства, деятельность которого в годы войны носила превентивный характер (3).

Война была мощнейшим катализатором для переосмысления политических и нравственных ориентиров, которые были сформированы в советское время. Неудачи Красной Армии на фронте, суровые условия блокады, постоянная угроза смерти, умелая пропаганда немцев, призывавшая к прекращению сопротивления (4) - все это оказывало влияние на умонастроения людей. Для ленинградцев и защитников города блокада была временем постоянных размышлений, сомнений, глубоких разочарований и отчаяния, приводивших иногда к трагическим поступкам. Таким образом, обращение к изучению так называемых негативных настроений позволяет, с одной стороны, в какой-то степени восполнить существующий в историографии пробел, а с другой - дает необходимый материал для проверки весьма распространенной на Западе версии о значительном пораженческом потенциале советского общества накануне и в ходе войны (5).

В данной статье мы попытаемся рассмотреть один из важнейших аспектов этой очень деликатной и сложной проблемы - постараемся раскрыть качественную (характер и содержание) и количественную (размах) стороны негативных настроений на материалах первого года битвы за Ленинград.

Решение этой задачи предпринято на основе изучения разнообразных документов бывших партийных, а также центральных военных и государственных архивов. Морально-политическая ситуация в частях действующей армии нашла свое отражение в сводках и донесениях политорганов, в материалах военных трибуналов Ленфронта и КБФ, в информации особых отделов о настроениях военнослужащих, в письмах бойцов в редакции газет и руководителям партии и советского государства. Положение в Ленинграде прослеживается по политинформациям партийных органов различного уровня, адресованным в горком ВКП (б), спецсообщениям органов

НКВД и прокуратуры, постановлениям ряда партийных организаций, направленных на борьбу с антисоветскими проявлениями, данным немецкой разведки о положении в Ленинграде.

Безусловно, каждый из перечисленных типов источников имеет свою специфику. Спецсообщения органов НКВД были очень детальными, в них приводились десятки примеров высказываний людей самых разных профессий, положения (за исключением партийной и советской номенклатуры), добытых агентурно-оперативным путем. Однако не все потребители этой информации УНКВД ЛО отправляло спецсообщения, как правило, в три адреса - в Москву, в НКВД СССР, в Военный Совет Ленфронта и Горком ВКП(б) с периодичностью от пяти дней до двух недель), могли ее "переварить". В частности 8 марта 1942 г. Военный Совет Ленфронта запретил всем организациям, включая и УНКВД, "...входить в Военный Совет с записками, превышающими 3 - 5 страниц текста на машинке" (6).

Говоря об особенностях документов чекистов следует также отметить, что в ряде случаев сообщения агентуры и осведомителей достаточно вольно интерпретировались сотрудниками НКВД и не отражали истинных настроений попавших в поле зрения "органов" людей. Поэтому подчас единственным выходом из подобной ситуации представляется пространное цитированию источников, дабы сам читатель смог разобраться в степени обоснованности тех или иных оценок чекистов. Надо учитывать и то, что от агентов требовали активной работы, (за "пассивность" ежемесячно исключались из сети сотни людей), что могло и наверняка оказывало определенное на них влияние, подталкивая не только к отражению реальной ситуации вокруг себя, но и некоторому очернительному "творчеству". Проверка достоверности информации осуществлялась, как правило, на стадии возбуждения уголовного дела и в ходе следствия. Естественно, что подавляющая часть негативных настроений так и осталась настроениями, оставив свой след лишь в архивах УНКВД. И тем не менее, в спецсообщения попадали лишь типичные, характерные высказывания, повторявшиеся многократно в донесениях агентуры и оперативных работников.

Применительно к изучению настроений населения по материалам наркомата внутренних дел следует принимать во внимание и ряд других моментов. Во-первых, этому вопросу придавалось исключительное значение - секретно-политический отдел УНКВД являлся самым крупным в территориальном управлении и начительно превосходил отделы разведки и контрразведки (7).

Это позволило ему через разветвленную сеть осведомителей и политинформаторов установить тотальное наблюдение за настроениями практически всех слоев населения - рабочих, домохозяек, интеллигенции, верующих. В частности, в жилищной системе задачи по охране государственной безопасности в г. Ленинграде были озложены на политорганизаторов домохозяйств, численность которых в сентябре 1941 достигла 10 тысяч человек, подчиненных "...по линии борьбы с вражеской агентурой и их пособниками" начальникам районных отделов УНК-ВД и обязанных обеспечить своевременное получение информации от "...всех не внушающих сомнения дворников, ночных сторожей" и передачу сведений в райотделы НКВД по всем интересующим их вопросам, а также выполнять все указания и распоряжения последних (8).

Во-вторых, несмотря на тяжелые условия блокады и высокую смертность в том числе агентов и осведомителей их "штат" тем не менее поддерживался на уровне, необходимом для обеспечения контроля за настроениями людей. Ежемесячно органы УНКВД вербовали от нескольких сотен до полутора тысяч новых агентов и осведомителей и теряли от трехсот до тысячи (9).

В-третьих, и это, может быть, является более важным обстоятельством, главным критерием отбора кадров в секретно-политический отдел был стаж работы в органах, а не образовательный уровень того или иного сотрудника. По общему правилу в СПО работали сотрудники, имевшие стаж службы в НКВД не менее трех лет. Образовательный уровень при этом не играл решающей роли. Например, заместитель начальника СПО УНКВД ЛО С.К. Якушев имел общее низшее образование (окончил сельскую школу) и про-

учился один год в Комвузе им.Крупской, а его преемник И.В.Речкалов, утвержденный в должности в феврале 1943 г., при общем низшем образовании не имел также никакого политического (10).

В-четвертых, лейтмотивом деятельности органов НКВД в годы войны по-прежнему были идеи, высказанные Сталиным на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. В частности, начальник УНКВД ЛО П.Кубаткин в период блокады повторял слова Сталина о том, что "...ошибочно было бы думать, что сфера классово-вой борьбы ограничена пределами СССР. Если один конец классово-вой борьбы имеет свое действие в рамках СССР, то другой ее конец протягивается в пределы окружающих нас буржуазных государств. Об этом не могут не знать остатки разбитых классов. И именно потому что они об этом знают, они будут и впредь продолжать свои отчаянные вылазки" (11).

В годы войны это привело в особому вниманию органов ко всем "бывшим", родственникам репрессированных, верующим, этническим немцам, финнам, лицам прибалтийских национальностей.

Кроме документов УНКВД ЛО, информации партийных и политических органов Ленфронта и КБФ в нашем распоряжении есть дневники, воспоминания ленинградцев, письма, выдержки из писем, задержанные военной цензурой, которые с большей нежели какой-либо другой источник степенью объективности позволяют судить об истинных настроениях населения и военнослужащих. Конечно, можно усомниться в объективности информации, полученной и по линии военной цензуры. И здесь присутствовал субъективный фактор - теперь уже не столько самого цензора, сколько тех, кто составлял инструкции по отысканию в корреспонденции определенного рода информации. Но здесь элемент личной неприязни работника военной цензуры к автору того или иного письма в отличие от агентурной работы отсутствовал почти полностью.

Непосредственная близость Ленинграда к фронту обусловила широкий размах фашистской пропаганды среди населения города. Основной ее формой была печать, главным образом листовки, рас-

пространявшиеся в больших количествах при помощи авиации, артиллерии и агентов. В значительно меньшей степени использовались газеты на русском языке, причем главным образом в виде подделок газеты "Правда". В середине июля 1941 г. первые листовки были сброшены в пригородах Ленинграда и проникли в него (12).

До сентября 1941 г. в основном распространялись издававшиеся в г.Дно немецкие газеты "За родину". Листовки печатались сперва, как правило, на плохой бумаге, без всякого художественного оформления, лишь иногда встречались грубо выполненные карикатуры.

Высоким качеством отличалась агитлитература, изготовленная в Риге или в самой Германии, откуда в общей сложности пересылалась примерно третья ее часть. Большое внимание фашисты уделяли агентурной пропаганде. Они не рассматривали этот вид пропаганды изолированно от разведывательных ее задач, которые поручались тому или иному агенту. Такая система значительно увеличивала число фашистских агитаторов. Основное содержание агентурной пропаганды состояло популяризации следующих тезисов: 1) Немецкая армия хорошо обращается с военнопленными и мирным населением, 2) Германия уже выиграла войну, 3) Ленинград обречен. Такого рода пропагандой занимались четыре категории лиц, а именно резиденты, жители оккупированных стран (особенно Польши), некоторые советские граждане, проживающие на занятой врагом территории СССР, отдельные военнопленные (13).

Программа обучения агентов одной из спецшкол в Гатчине включала не только специальную и пропагандистскую подготовку, но и способы изучения политико-морального состояния Красной Армии и ленинградцев, а также использования в своих целях гражданского населения (14).

По мере приближения фашистской армии к Ленинграду стала производиться засылка агентов большими группами. Основной контингент пособников врага составляли антисоветски настроенные лица, проживавшие на оккупированной территории, военноплен-

ные, морально разложившиеся женщины, дети репрессированных родителей. Проникновение в город осуществлялось под видом беженцев.

В 1942 - 1943 гг. подрывная работа, как отмечал бывший начальник Ораниенбаумского районного отдела госбезопасности П.А.Васильев, велась специально подготовленными агентами, переходившими линию фронта в основном поодиночке. Кроме упоминавшейся Гатчинской школы кадры для ведения антисоветской деятельности в Ленинграде поставляли центры подготовки агентурной разведки, находившиеся в Таллинне, Нарве, Пскове, Валках. Переправочны и пунктами в Ораниенбаумском районе, например, были Копорье, Дятлицы, Глобицы, Петергоф (15).

Большое значение в своей подрывной работе противник придавал радиопропаганде. Директор Управления радиосвязи и радиовещания Ленинграда Н.А.Михайлов вспоминал, что еще до войны с фашистской Германией передавалось множество антисоветских передач. "Войне пушками и пулеметами, - писал он, - предшествовала война в эфире... Первой появилась в эфире Италия. Это была своего рода радиоинтервенция. Итальянцы подбирали волну, на которой население привыкло слушать, и на русском языке вели антисоветские радиопередачи" (16).

В первые недели войны против СССР фашистская пропаганда организовала радиотрансляцию из Берлина на русском языке выступления Гитлера, призывавшего убивать евреев под предлогом того, что "они заняли все руководящие посты", что "за 20 минут опоздания на работу сажают русских в тюрьму" (17).

9 июля 1941 г. начальник отдела политпропаганды спецчастей гарнизона Ленинграда бригадный комиссар Степанов сообщал об активизации антисоветской пропаганды на русском языке через финскую радиостанцию "Лахти" (18).

В целом же за первые три месяца войны противник провел около 2 тысяч антисоветских радиопередач. Отметим, что эффект они могли иметь лишь в самом начале войны, до изъятия у населения

радиоприемников. Кроме того, общее количество последних в Ленинграде накануне гитлеровской агрессии было незначительным - всего около 80 тысяч.

Широко практиковалась противником рассылка жителям города анонимных писем и почтовых открыток антисоветского содержания, распространение в Ленинграде фашистской символики (19).

В начале войны в пропаганде противника присутствовали исключительно общеполитические темы, носившие резкий антикоммунистический и антисемитский характер. Однако, с августа 1941 г. все большее место в ней стала занимать ленинградская проблематика. Учитывая специфику города, являвшегося крупнейшим промышленным центром, острие своей социальной демагогии фашисты направили прежде всего на рабочих. Стахановское движение, ограничение права перехода с одного предприятия на другое, введение строгой ответственности за нарушение трудовой дисциплины, увеличение продолжительности рабочего дня, милитаризация экономики в довоенный период - вот далеко не полный перечень вопросов, поднимавшихся в фашистской пропаганде (20).

Рассчитывая использовать в своих целях советских граждан немецкой национальности, проживавших в Ленинграде и пригородах, противник с первых дней войны стал распространять листовки в районах их сосредоточения - в Стрельне (21), а также в так называемой Саратовской колонии, находившейся на правом берегу Невы (22).

В начале августа ленинградцам стала навязываться доминировавшая на протяжении всей блокады идея превращения Ленинграда в "открытый город". При этом основным аргументом фашистской пропаганды было сохранение Парижа, который французское правительство объявило открытым. В августе и сентябре 1941 г. фашистские агитаторы идею превращения Ленинграда в "открытый город" пытались подкрепить "рекомендациями" Рузвельта сдать его немцам, а также провокационными заявлениями о письме Якова Джугашвили Сталину с призывом "не мучить народ" (23).

Принимая во внимание изменение структуры населения Ленинграда в связи с мобилизацией значительной части мужчин, против-